

УДК 75.056; 7.046

DOI: 10.24411/2686-7443-2020-13013

Устинова Юлия Владимировна, заведующая сектором станковой и монументальной живописи отдела, старший преподаватель. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Россия, Москва, Андроньевская пл., 10; Православный Свято-Тихоновский Богословский университет, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23б. 115184. ORCID ID 0000-0002-0902-1110. y.ustinova@rublev-museum.ru

Ustinova, Julia Vladimirovna, head of the sector of easel and monumental paintings of the Department, senior lecturer. The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art, Andronievskaya pl., 10, 105120 Moscow, Russian Federation; Saint Tikhon's Orthodox University, Novokuznetskaya ul., 23b, 115184 Moscow, Russian Federation. ORCID ID 0000-0002-0902-1110 y.ustinova@rublev-museum.ru

«ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ» ЧАСТЬ «СЛОВА НА ЗАЧАТИЕ СВ. ИОАННА ПРЕДТЕЧИ» ЛИЦЕВОГО СБОРНИКА ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЭПОХИ ИВАНА ГРОЗНОГО

“CHRONOGRAPHIC” PART OF THE “WORD ON THE CONCEPTION OF THE ST. JOHN THE BAPTIST” IN THE ILLUSTRATED MANUSCRIPT FROM CHUDOV MONASTERY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL CIRCUMSTANCES OF THE AGE OF IVAN THE TERRIBLE

Аннотация. Статья посвящена изучению иконографической программы миниатюр третьей части лицевого «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» в составе сборника Чудова монастыря третьей четверти XVI в. (РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 1844). В основу ее текста лег фрагмент о последних днях жизни святого из известного «Русского хронографа» 1512 г. Хотя данный текст вошел в те же годы в Лицевой летописный свод, его включение в житийный текст о святом Иоанне Предтече не вполне обычно. Его характерная особенность состоит в том, что в нем святой выступает в роли обличителя не одного, а трех злочестивых царей — Архелая, Ирода Филиппа и Ирода Антипы. Актуальность данного текста и его включение в «Слово на Зачатие», вероятнее всего, обусловил конфликт между царством и священством, обострившийся в эпоху опричнины и последующие за ней годы. Анализ состава и иконографии миниатюр в контексте исторических обстоятельств эпохи позволяет отнести создание третьей части «Слова» к несколько более позднему периоду — к 1572–1575 гг., и предположить, что участие в ее программе всероссийского митрополита Афанасия было гораздо более полным, нежели считалось ранее.

Ключевые слова: святой Иоанн Предтеча; Иван Грозный; всероссийский митрополит Афанасий; царь Ирод; древнерусская книжная миниатюра; искусство XVI в.; иконография; сборник Чудова монастыря; хронограф; лицевой летописный свод; иконы; опричнина; конфликт.

Abstract. The article is about the iconographic program of the third part of the illuminated “Word for the Conception of St. John the Baptist” in the manuscript from Chudov Monastery (Russian State Library. F. 98. Collection of E. E. Egorov. No 1844), dated the second half of the 16th century. The text about the last days of the Saint’s life is based on a fragment from a famous Russian Chronograph of 1512. Although this text was a part of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible in the same years, its inclusion in the hagiographic text about the Saint John the Baptist was not quite usual. A characteristic feature of this text is that in it, John the Baptist acts as a denouncer of three evil kings — Archelaus, Herod Philip, and Herod Antipas. The relevance of this text and its inclusion in the “Word for Conception” may have caused the conflict between the Kingdom and the Priesthood, which worsened during the oprichnina era and the years following it. The analysis of the composition and iconography of miniatures in the context of historical circumstances of the era allowed us to attribute the creation of the third part of the “Word” to a somewhat later period than previously thought — to 1572–1575, and suggest that the participation of the all-Russian Metropolitan Archbishop Athanasius in its program was much fuller.

Keywords: Saint John the Baptist; Ivan the Terrible; all-Russian Metropolitan Archbishop Athanasius; King Herod; Old Russian book miniature; 16th-century art; iconography; compendium of the Chudov Monastery; chronograph; the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible; icons; oprichnina; conflict.

Исследователи лицевого «Слова похвального на Зачатие Иоанна Предтечи» в сборнике Чудова монастыря третьей четверти XVI в. из собрания РГБ (Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 1844)¹ выделяют в его составе три крупных тематических раздела [25, с. 182–184]. Заключительный, третий раздел произведения повествует о последнем этапе жизни Предтечи и его гибели. В основе его повествования лежит так называемый «хронографический» фрагмент, восходящий, как показал О. В. Творогов [33, с. 421; 25, с. 184], к тексту знаменитого «Русского хронографа» 1512 г.² Именно эта, «хронографическая», часть «Слова» представляет большой интерес для исследования уникальным составом сцен, в котором прослеживается глубинная связь с историческими обстоятельствами эпохи ее создания. Анализ ее иконографической программы может помочь в уточнении датировки рукописи в целом.

В «Слове на Зачатие» «хронографическая» часть размещена на л. 176об.–185об. и проиллюстрирована пятнадцатью миниатюрами. Начальные эпизоды повествуют о судилище над Иоанном правителя Архелая и толковании Предтечей сна Ирода Филиппа. За ними следует история столкновения Крестителя и царя Ирода Антипы, которая заканчивается усекновением главы Иоанна и погребением его тела учениками. Главной темой «хронографической» части, таким образом, становятся взаимоотношения представителей земной власти со святым, приведшие к его трагической гибели.

История открывается на л. 176об., когда Иоанна, оторвав от его служения в пустыне, внезапно вызывает в синедрион Ирод Архелай — сын Ирода Великого, этнарх Самарии, Иудеи и Идумеи (4 г. до н. э. — 6 г. н. э.), унаследовавший после отца большую часть Иудейского царства. «И приведены ему бывшу

Илл. 1. Иоанн Предтеча и книжники.
Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»
лицевого сборника Чудова монастыря. 1560–1570-е.
Российская государственная библиотека, Москва.
Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 1844. Л. 176об.

ко Архелаеви, и собравшимся закону мудрецем, вопросиша его, кто есть и где бысть доселе. Он же отвещав рече им: человек есмь, имже мя введе Дух Божии в пустыню, и питахся тростием и корением, и щепками деревянными. Онем же претящим ему мукою, аще не престанет тех глагол и дел. Он же рече: вам подобает престати от своих скверных дел и прилепитися Господу Богу своему». На миниатюре Иоанн представлен стоящим перед собранием иудейских книжников, толпящихся за круглым столом с разложенными на нем книгами. Ссылаясь на их тексты, один из книжников указывает на начертанные в них строки (Илл. 1). Продолжает повествование сцена «Укорение от Симона книжника»: стоящий слева книжник, который на предыдущей миниатюре указывал Иоанну на строки Писания, набрасывается на святого, словно собираясь ударить его по голове (Илл. 2). «И востав с яростию Симон книжник родом ессеянин, рече ему: мы по вся дни чтем Божественныя книги, а ты ныне вышед из дубравы, яко зверь, то смешиши учить нас и народы прельщати непотребными глаголы своими. И устремился растерзати тело его». Иоанн изображен стоящим в той же позе, со свитком в левой руке; прислужники позади его удерживают его руку. «Он же укаяря их, рече: не отворю вам сущую въ вас таину, понеже не изволило того есте. Тем приидет на вас пагуба неизреченная». В левой части миниатюры Иоанн возвращается в пустыню. «И сия рек, отыде на ону страну Иердана, никому же смеющу возбранити ему. И тож творяше, якоже и прежде».

Эпизоды судилища у Архелая и угрозы Симона книжника отсутствуют в оригинальной «Истории» Иосифа Флавия, в славу же версию они были заимствованы из византийской Хроники Георгия Амартола IX в. [6; 20, с. 250–251, 257]³. Ска-

Илл. 2. Укорение от Симона книжника.
Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»
лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 177

занное справедливо и по отношению к следующему эпизоду, в котором иллюстрируется очередная встреча Иоанна с земными правителями (Л. 177об.–178). Первый муж Иродиады Ирод Филипп увидел необычный сон, как слетевший с небес орел выклевал ему глаза. «Ирод Филипп во своей власти сон виде, яко орел исторгну обе очи его. И созва вся мудреца своя, инем инако разсуждающим сон. Муж он, егоже преже писал, в зверьских власех ходяща и в иерданьских струях люди очищающе, прииде к нему внезапно не зван, и рече: слыши слово Господне. Сон, иже еси видел, орел есть твое лихоимание, яко бо та птица насила и восхитница есть. И тои грех изымет твои очи, яже есть власть твоя и жена твоя. И сии ему рекшу, до вечера умре Филипп, а власть его дасться Агрипе». На первой миниатюре на заднем плане изображен лежащий на ложе Филипп, над которым в проеме палаты парит орел в нимбе⁴. На переднем плане царь, сидя на престоле, совещается по поводу сна со своими мудрецами (Илл. 3). На второй миниатюре Филипп возлежит на смертном одре в окружении ухаживающих за ним слуг и придворных; слева перед ним стоит Иоанн Предтеча, объясняя значение сна, предрекавшего правителю потерю власти и жены (Илл. 4). Любопытно, что история с предсказанием скорой смерти Филиппа не согласуется с официальной версией Евангелия, по которой Ирод Антипа женился на Иродиаде при живом супруге, что умножало незаконность этого брака.

Таким образом, «Обличение Архелая» и «Обличение и смерть Филиппа» открывают в миниатюрах сборника Чудова монастыря своеобразный цикл, в котором Иоанн Предтеча выступает, как непримиримый антагонист злочестивых правителей. Включение данных сцен в житийный цикл Иоанна

Илл. 3. Сон Ирода Филиппа об орле. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 177об.

Илл. 4. Иоанн Предтеча толкует сон Ирода Филиппа. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 178

Предтечи абсолютно не характерно: обычно только одна сцена обличения Ирода открывает изобразительные циклы «страстей» Иоанна Крестителя. При этом данная сцена никогда не рассматривалась в качестве опорной; например, когда количество эпизодов цикла было ограничено, она могла опускаться в пользу таких значимых сцен, как «Пир Ирода» и «Усекновение главы Иоанна» [3; 11].

Данный «хронографический» фрагмент об Иоанне Предтече примерно в те же годы полностью вошел и в Лицевой летописный свод («Хронографический сборник», в разделе «О Крещении Господа нашего Иисус Христа и о Иоанне Предтечи». БАН. Л. 853об.–863об.), где также был тщательно проиллюстрирован⁵. Сопоставление этих миниатюр ярко демонстрирует, насколько по-разному, самостоятельно и независимо друг от друга интерпретировали миниатюристы Лицевого летописного свода и художники сборника Чудова монастыря один и тот же текст. Отличается количество сцен, сопровождающих фрагмент, разнятся композиции миниатюр, индивидуальны художественные приемы их исполнения. Например, в «Приведении к Архелаю» в Лицевом летописном своде (Л. 855) Предтеча предстает правителю в царском венце, сидящему за столом, а стоящий рядом с царем Симон книжник гораздо более сдержанно укоряет святого, указывая одной рукой на него, другой — на текст в книге. В композиции «Сон Ирода Филиппа» (Л. 856об.) орел не имеет нимба и действительно выклеывает глаза царю, приземлившись на изголовье его ложа (Илл. 5)⁶. В сцене толкования Предтечей сна Филиппа (Л. 857) святой рассказывает о его значении царю, сидящему на престоле в добром здравии в левой части миниатюры, а справа

его спеленатое тело уже лежит в гробу, как скорое исполнение пророчества Иоанна.

Нет ничего удивительного, что данный текст был включен в Лицевой летописный свод, составители которого опирались на предыдущие летописи, в том числе — на текст «Русского хронографа» 1512 г. Однако то, что этот фрагмент об Иоанне Крестителе предпочли многочисленным и более известным житийным текстам и составители программы «Слова на Зачатие», вызывает вопросы. Недостатка в житийных произведениях о гибели Предтечи не было — в августовский том Великих Миней Четрых их включено около десятка, тем более что в предыдущих частях «Слова» автор активно опирался именно на ВМЧ [25, с. 180, 200]. Но компилятор предпочел использовать малоизвестный текст «Хронографа». Более того, он даже поступил ради этой повести логикой повествования, пойдя на очевидный анахронизм: с ним Креститель оказывается дважды арестованным (на л. 173 и 181), и после первого ареста — снова на свободе.

Напомним, что в текст «Слова» носит ярко выраженный компилятивный характер, и для его создания было использовано более 60 фрагментов произведений различного происхождения: библейских, святоотеческих, апокрифических текстов, сочинений византийских и славянских авторов, почерпнутых из четых миней и летописных сборников [25, с. 177–179]. На всем протяжении повествования автору-компилятору удавалось столь удачно сочленить все использованные им составные части, что он ни разу не погрешил против хронологии жития. Описываемый случай грубого нарушения логики повествования привлекает к себе внимание, заставляя задуматься, с какой целью

Илл. 5. Сон Ирода Филиппа. Миниатюра Лицевого летописного свода. Хронографический сборник. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург. П I Б. №76. Л. 856об.

был включен в текст данный эпизод из «Русского хронографа»? Почему автор текста явственно педалирует роль Предтечи в качестве обличителя нечестивых царей? Не был ли связан выбор этого фрагмента с историческими обстоятельствами времени создания «Слова»?

«Слово на Зачатие Иоанна Предтечи» датируется в пределах 1562–1575 гг. по водяным знакам на бумаге [25, с. 6, 196], чему соответствуют и художественные особенности его миниатюры. Историческим фоном его создания могла быть, таким образом, эпоха опричнины (1565–1572) и годы, которые за ней последовали. Помимо раскола общества на два противостоящих лагеря, опричнина породила серьезное напряжение между Иваном Грозным и Русской Церковью. Московские предстатели в это время не только утратили право участвовать в политических делах, но даже «печаловаться» государю об опальных. Более того, царь, объявивший себя «игуменом» в своем опричном уделе, посягнул на духовный авторитет Церкви, фактически выстраивая параллельную иерархию. Имел он и имущественные притязания на церковное достояние⁷. Эти шаги, не говоря уже о многочисленных казнях, пошатнули в глазах общества и Церкви образ благочестивого государя, характерный для раннего периода правления Ивана IV. Не это ли актуализировало тему Иоанна Крестителя как грозного обличителя нечестивых царей, а в их лице — самого Грозного? Если царь не принимает вразумления от смертного человека, то, может быть, примет его от святого?.. Глубокая, хотя и очень свое-

образная религиозность Ивана Васильевича бесспорна [5], как и искреннее почитание им своего «ангела» [18, с. 194], а «Слово на Зачатие» — памятник «царского» уровня и, скорее всего, было изготовлено лично для Грозного государя, как личное житие его патронального святого. Не было ли оно задумано, как своеобразное послание, обращенное к царю, и кто, в таком случае, мог стоять за этим посланием?

Авторы исследовательской статьи к факсимильному изданию лицевого сборника Чудова монастыря И. В. Левочкин, М. С. Крутова и М. Л. Иванов выдвинули обоснованное предположение, что автором замысла «Слова на Зачатие» мог выступать всероссийский митрополит Афанасий [25, с. 214–215]. Это была весьма яркая личность грозненской эпохи — протопоп Успенского собора Московского Кремля, царский друг и духовник, преданный сподвижник митрополита Макария и его преемник, а кроме того — широко образованный книжник и иконописец, принимавший самое непосредственное участие в развернутой Грозным летописной деятельности в Кремле [16, с. 248–250]. Именно митрополиту Афанасию, автору «Степенной книги», руководившему работой над новым хронографом, был, безусловно, хорошо знаком состав «Русского хронографа» 1512 г., в том числе и этот малоизвестный текст об обличении Предтечей Архелая и сие Филиппа [16, с. 250–253]. Немаловажно, что с введением опричнины Афанасий стал в оппозицию к царю и вскоре оставил митрополичий престол, не желая принимать участие в его политике.

Прецедент «духовного указания» царю от его бывшего духовника, переданного на символическом языке изобразительного искусства, уже имелся. Так, наличие сходных тенденций Т. Е. Самойлова отмечает в программе росписи Архангельского собора Московского Кремля 1564–1565 гг., автором которой она считает того же митрополита Афанасия [29, с. 47]. Желанием митрополита поднять авторитет духовной власти перед лицом диктата власти светской исследовательница объясняет появление во фресках собора сцены «Покаяние Давида перед Нафаном»⁸. Следовательно, Афанасию не в первой было разговаривать с царем посредством художественных произведений, и он действительно мог задумать вразумить самодержца посредством жития его святого.

Данное предположение лишь подтверждает анализ второй части «хронографического» фрагмента «Слова на Зачатие», посвященной отношениям Иоанна Предтечи с иудейским царем Иродом Антипой, завершившимся трагической гибелью пророка (Л. 178об.–185).

Ирод Антипа (4 г. до н. э. – 39 г. н. э.) — тетрарх над Галилеей и Переей, доставшихся ему после раздела наследства его отца, Ирода Великого. Причины его конфликта с Иоанном Крестителем вскользь упомянуты в Евангелии (Мк. 6:17–18; Мф. 14:3–4, Лк. 3:19) и более подробно разъяснены Иосифом Флавием в «Иудейских древностях» [37, кн. XVIII, гл. 5]. Антипа, будучи женатым на дочери набатейского царя Арефы IV Филопатра, возжелал Иродиаду, жену своего сводного брата Ирода (Ирода Филиппа I). Иродиада согласилась выйти за Антипу, если тот разойдется с законной женой. Оскорбленная вероломством мужа, жена обратилась за помощью к отцу, который тут же отправил войска против Антипы, чтобы отомстить за нее. Иосиф Флавий сообщает, что войско Антипы было разбито, и только вмешательство Рима спасло его от окончательной расправы. Тем не менее брак Антипы и Иродиады все же состоялся. Таким образом, тетрарх был виновен в нарушении заповеди закона Моисеева и прелюбодеянии (Лев. 20:21). Согласно Евангелию, Предтеча был арестован из-за того, что обличал Антипу за незаконный брак с Иродиадой, и казнен по ее наущению. Впрочем, по мнению Флавия, причиной казни святого был не брак, а опасения Ирода Антипы за свою власть из-за огромного авторитета Иоанна Крестителя в народе (XVIII 5:1–2).

Открывает историю отношений Предтечи и Ирода в «Слово на Зачатие» серия из трех миниатюр на л. 178об.–179об., иллюстрирующих следующий текст: «Бе же во днех оных, царствуйа Июдею Антипа Ирод нечестивейшии. Услышано бысть о Иоанне по всей Галилеи и Иудеи. И посла пятьдесятника на Иердан, повеле привести Иоанна. Пятьдесятник же пришедше, видев славу, покрывающу лице его, не смея рещи ничесоже.

Господень же Предтеча разумев, чесо ради прииде, рече ему: иди, рцы царю Ироду, яко несть время ныне предстати ми пред тобою. Приидут же дние, егда сам себе представлю пред лицем твоим, и нечестие твое и преступление закону обличю. Яко не доволен еси таковыми злыми, но излися люте, на ложе брата твоего хочещи взыти, яко преступник Божии обрящещися. И шед пятьдесятник, сказа Ироду реченна. Слышав же Ирод, удивися и рек болшим своим: есть ли что могущее сокрытися от мужа сего пагубника? Яко воспоминание помысла моего обличи ми». На первой миниатюре сидящий на престоле царь Ирод посылает воина-пятидесятника к Предтече; на второй Иоанн, стоящий на Иордане с группой иудеев, дает ответ пятидесятнику, обличая преступный помысел Ирода; на третьей Ирод, выслушав отчет пятидесятника, обращается к придворным с недоуменной речью.

За ними следует «Свадебный пир Ирода и Иродиады» (Л. 180об.) (Илл. 6). На миниатюре представлены царь с царицей, сидящие с кубками в руках во главе большого овального стола, уставленного пиршественными сосудами и блюдами, его окружает плотная толпа пирующих гостей. По сторонам от новобрачных изображена группа людей, выходящих из палат на заднем плане, среди них выделяются стоящие рядом с матерью дочери Иродиады от ее законного брака («четырем детем⁹ от него родившимся»), старшая — в короне царевны. В нижней части слева изображен святой Иоанн Предтеча, со свитком в левой руке, обличающий незаконный брак царя и царицы¹⁰.

Итак, в миниатюрах сборника Чудова монастыря Иоанн Предтеча осуждает и обличает незаконный брак царя. Отметим, что в поздний период царствования Ивана Грозного тема браков (в том числе незаконных) также была весьма злободневной. В 1567 г. царь и вовсе был готов пуститься в брачную аферу при обстоятельствах, близких к истории легендарного брака Ирода Антипы. Шведский король Эрик XIV, добивавшийся заключения союзного договора с Россией, вознамерился выдать замуж за русского царя младшую дочь польского короля Катарину Ягеллонку. Эта идея воодушевила Грозного — он еще в 1561 г. сватался к Катарине, но получил отказ. Дело, однако, осложнялось тем, что к тому времени у Катарини уже был муж, герцог Юхан Финляндский (младший брат шведского короля, заточенный в замок Грипсхольм по подозрению в измене, с которым она разделяла заточение и родила троих детей), а у Грозного — законная жена Мария Темрюковна. Несмотря на это, царь стал настаивать на скорейшем осуществлении проекта и направил в Стокгольм посольство, которое должно было доставить герцогиню на Русь. Даже после переворота в Швеции в пользу Юхана Иван Грозный не отказался от своих притязаний: в июне 1570 г. он передал шведским послам требование, чтобы король Юхан III отдал царю «его невесту Екатерину». К тому времени Иван уже вновь был вдовцом и надеялся, что брак с сестрой бездетного короля Сигизмунда II подкрепит его претензии на польскую корону [30]. Однако и Катарина Ягеллонка, и польская корона так и остались для Грозного несбывшейся мечтой¹¹.

Согласно историческим источникам, царь, просивший в 1569 г. у Церкви разрешения на третий брак, получил его только в результате сильного давления на митрополита Кирилла¹². Но к концу 1571 г. Грозный вновь остался вдовцом — его супруга Марфа Собакина скончалась через две недели после свадьбы. В феврале 1572 г., воспользовавшись вдовством митрополичьего престола, возникшим после кончины митрополита Кирилла, царь созвал в Москве собор, где добился благословения на запрещенный канонами четвертый брак, сылаясь на то, что предыдущий не был consummated. При этом на него была наложена епитимья¹³. В мае того же года в Александровской слободе царь сыграл свадьбу с Анной Колтовской, однако и этот союз оказался недолгим — уже в сентябре царица была пострижена в монашество [19]. Новых разрешений у Церкви для своих следующих браков, начиная с пятого, царь больше не просил. Между тем он был женат еще по крайней мере трижды¹⁴, из-за чего до самой смерти не имел возможности приступить к причастию¹⁵. Незаконность поздних браков Ивана IV не была тайной ни для него самого, ни для его окружения. После смерти Грозного его вдова Мария Нагая с сыном была спешно выслана в Углич, а царь Федор Иванович запретил духовенству поминать

Илл. 6. Брачный пир Ирода Антипы. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 180об.

своего сводного брата царевича Дмитрия при богослужениях на том основании, что он рожден в шестом браке и поэтому является незаконнорожденным [37, с. 138].

По замечанию Р. Г. Скрынникова, «высшее духовенство не одобряло незаконные браки государя, но обличать его не смело» [30]. Митрополит Антоний (1572–1581), наученный горьким опытом своих предшественников, не решился поднять голос против земных властей: так, он безропотно принял приговор Боярской думы и освященного Собора, запрещающий увеличивать земельные владения крупных монастырей за счет частных пожертвований (1572). Атмосферу морального террора, в котором пребывал в это тревожное время всероссийский предстоятель, ярко живописует факт, что во время возобновившихся осенью 1575 г. в Москве казней головы казненных бросали на двор митрополита [17]. В таких условиях кто мог осмелиться поднять голос против незаконных деяний царя, кроме его «ангела» — Предтечи (а под его личиной — пребывающего в покое митрополита Афанасия)? «Тои прииде к нему с яростию и рече: понеже еси братию жену поял беззаконниче безмилостивною смертию, тако и ты поят будещи серпом небесным. Не премолкнет бо Божиии промысл, но уморит тя печальми злыми во инех странах». Реакция царя на обличения могла быть ровно такой же, как в тексте «Слова на Зачатие»: «Ирод же сия слышав, разгневался зело, и повеле биюще изгнати его. Он же не преста, но идеже обретоша Ирода, ту обличаше и пред всеми, дондеже стужи вси. И повеле во оковех во вретци его в темницу». На миниатюре, иллюстрирующей этот текст (Л. 181), образ земного царя, восседающего на престоле в окружении верноподданных и воинов, противопоставлен нищему пророку во вретнице, загоняемому палками в темницу в башне и заточенного в ней.

Илл. 7. Пир Ирода Антипы с вельможами. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 182об.

Отметим, что в «хронографическом» фрагменте в Лицевом летописном своде свадебный пир Ирода и Иродиады не представлен; на миниатюре, иллюстрирующей соответствующий фрагмент текста («По сих же Антипаше Иродъ поять жену брата своего...». Л. 859), Иоанн Предтеча укоряет Антипу, сидящего на престоле, рядом с которым на престоле пониже сидит Иродиада, в окружении приближенных¹⁶. В следующей сцене Креститель (Л. 859об.) указывает им на разверстую могилу с гробом, предрекая их будущую участь. На миниатюре «Обличение Ирода и заточение Иоанна в темницу» (Л. 860) мотив побивания Иоанна отсутствует, зато святой буквально преследует царя, настойчиво представляя перед ним, конным и пешим (Предтеча изображен на этой миниатюре четыре раза, «дондеже стужи вси»).

Последующие эпизоды, иллюстрирующие в «Слове на Зачатие» события, предшествующие казни Предтечи, следуют обычной логике составления его житийного цикла, отклоняясь от традиции в сторону большей подробности. Показаны «Прощание Иоанна с учениками», пришедшими к нему в темницу, и начало «Пира Ирода» с двадцатью двумя избранными вельможами по случаю дня его рождения (Л. 182об.): прямоугольный стол, уставленный яствами, окружают приближенные Ирода с кубками в руках, сам он восседает на троне во главе стола справа, рядом с ним прислужник, обмахивающий его солнечником (Илл. 7)¹⁷. Формы кувшинов и кухонной утвари, показанной на переднем плане, архитектурные формы зданий заимствованы миниатюристом здесь, как многократно на протяжении всей рукописи, из западноевропейских гравюр, как это было показано ранее Ю. А. Невольным¹⁸. Любопытный мотив изображен на фасаде палаты в центре миниатюры — врезанный в стену изразец с геральдическим двуглавым орлом. Данная деталь словно переносит действие из Палестины евангельских времен в современную автору Московию, где с конца XV в. двуглавый орел стал гербом Русского государства¹⁹. Впрочем, возможно, этот символ

Илл. 8. Иродиада режет язык Иоанна Крестителя. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 184

ассоциировался с природой царской власти как таковой и в таком качестве был призван подчеркивать статус Ирода Антипы как царя. Любопытно, однако, что в других миниатюрах с его изображением этот геральдический знак отсутствует.

Следующая сцена — «Совет Иродиады» (Л. 183), где она, пируя за столом с приближенными дамами и дочерьми, злоумышляет против Крестителя, склоняя его вельмож поставить царю своеобразный «ультиматум»: «Иродиада же, призвавши вся вельможа тья, умолих увещавати Ирода о Иоанне Крестителе, да или престанет обличения, или да усековен будет». Композиционно сцена перекликается с предыдущей. Кульминацию повествования о злополучном пире отражают две масштабные миниатюры на разворотах страниц. Первая (Л. 183об.–184) представляет разгар «Пира Ирода», где царь, сидя на престоле в центре миниатюры, с кубком в руках, и внимая играющим музыкантам, одновременно посылает к пророку прислужника — их диалог на фоне темницы Иоанна помещен в левом нижнем углу миниатюры. Сцена сопровождается текстом: «Ирод же, умолен ими, посла ко Иоанну, и обрете его обличающа паче». В правой части разворота представлено продолжение повествования: «И бывшу пиру, и егда упишася Ирод, пришедши же дщи тоя Иродьяды и плесавши, и угоди Иродови. И кляся ей: аще попросишь до полцарствия моего». «Танец Саломеи» изображен на переднем плане: девица в короне и алом плаще, с кубком в руках отплясывает перед царем под звуки волынки; позади нее стол с «женской половиной» пира, возглавляемой Иродиадой. Второй раз царевна изображена рядом с матерью, совещаюсь, о каком даре просить царя: «Она же изшедши рече матери своей: чесо прошу? Она же рече: главу Иоанна Крестителя».

Второй разворот показывает принесение на пир усековенной главы Иоанна. Слева на переднем плане отсеченную голову в чаше воин вручает царевне, при этом глава оказывается на уровне стола с пирующим царем и его приближенными, а Ирод

Илл. 9. Усекновение главы св. Иоанна Предтечи. Вручение главы Ироду и передача ее Иродиаде. Миниатюра Лицевого летописного свода. Хронографический сборник. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург. П I Б. №76. Л. 863

делает необычный жест, касаясь ее рукой, словно желая закрыть все еще смотрящие на него с укором глаза пророка²⁰. Передача главы Предтечи Иродиаде показана в правой части разворота: чаша с головой стоит на столе, как главное пиршественное блюдо, а Иродиада в порыве злости режет ножом язык Иоанна, столь много обличавший ее (Илл. 8).

Характерно, что миниатюра в данном случае иллюстрирует не тот краткий текст, который ее сопровождает («И абие послав царь спекулатора, повеле принести главу его на блюде. И царь взем и дасть ю девицы. И девица дасть ю матере своей»), а другое предание, которое восходит к блж. Иерониму Стридонскому. Оно гласит, что принесенная на пир глава Предтечи отверзла уста и прорекла в последний раз: «Не достоин тебе имети жены брата твоего». В отместку Иродиада исколола ненавистный язык иголками, чело пронзила ножом, а саму главу закопала в нечистом месте [40, р. 175; 28, с. 12]. Выразительные позы присутствующих при этом гостей свидетельствуют о смятении, которое возникло на пиру: они активно жестикулируют, обсуждая происходящее, юноша в порыве чувств падает на землю, закрывая лицо руками, женщина подносит к щеке руку в жесте скорби — и все это рядом с продолжающими невозмутимо играть музыкантами. Допущенная вольность по отношению к иллюстрируемому тексту в очередной раз свидетельствует об уникальной начитанности и творческой раскованности автора данного произведения, который велел изобразить яркий эпизод, оставшийся «за скобками» основного повествования, но ему самому хорошо известный²¹. Отметим, что в богатой иконографической традиции «Пира Ирода», восходящей к VI в.²², эпизод с изрезанием языка Предтечи ранее не изображался. Нет этого

мотива и в миниатюрах Лицевого летописного свода (Л. 861об.–863), где в целом этот отрывок решен гораздо более компактно и приближенно к иконным схемам (например, «Усекновение главы Иоанна» включено в последний эпизод «Пира Ирода», где показана казнь святого, вручение чаши с главой Ироду, который тут же передает ее Саломии, а та в отдельном компартименте отдает главу Иродиаде (Илл.9)). Так в миниатюре «Слова на Зачатие» воплощение замысла представить Предтечу в качестве непримиримого обличителя царского нечестия достигает своего апогея: пророка не останавливает даже казнь, «глас вопиющего в пустыне» не умолкает и после его смерти.

В свете сказанного несколько иначе могут восприниматься распространенные в русском искусстве в 1560–1570-е гг. иконы Иоанна Предтечи — Ангела пустыни с усекновенной главой святого в чаше, которую святой демонстрирует верующим. Этот образ был известен задолго до Ивана Грозного (и сохранил свою популярность и впоследствии), благодаря своей сложной поливалентной символике, в которой усекновенная глава Предтечи в сосуде — это и символ мученичества святого, и изображение его чтимой реликвии [2; 11]. Однако в контексте обрисованного конфликта царя и общества, от лица которого в эту эпоху говорила Церковь, данный элемент становится еще и символом обличения неправды, неумолкающего и по смерти. Эталонным образцом для икон этой группы считается монументальный образ Иоанна Предтечи — Ангела пустыни из Стефано-Махрищского монастыря (ЦМиАР) (Илл. 10), сумрачный колорит и напряженный эмоциональный строй которого связала с эпохой

Илл. 10. Иоанн Предтеча — Ангел пустыни. Икона. 1560-е. Из Свято-Троицкого собора Стефано-Махрищского монастыря, близ Александрова. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Москва

опричиныны еще М. Е. Даен [4, с. 216, 218]. Именно ее повторение исследователи считают икону 1570-х гг. из собора Усекновения главы Иоанна Предтечи монастыря под Бором в Москве [18, с. 208, илл. 12], к этому же кругу В. М. Сорокатый причислил также местный образ из Покровской церкви Александровой слободы и ряд других памятников [13, с. 230, 232, прим. 16, 17].

Разумеется, поиски исторических параллелей легендарному усекновению главы святого земным царем во времена Ивана Грозного были бы чересчур прямолинейными, учитывая, что казни в его правление были делом обыденным; однако если бы нужно было составить такую параллель, то первой кандидатурой стал бы преподобный Корнилий Печерский — монах, аскет и подвижник, настоятель Псково-Печерского монастыря, казненный в 1570 г., согласно преданию, самолично Иваном IV. После разгрома Новгорода в 1569 г. Грозный отправился в Псков, а оттуда — в Печерский монастырь. Корнилий вышел ему на встречу с крестом, но разгневанный царь отсек ему голову, в чем тут же раскаялся, поднял тело преподобного и на руках понес его к Успенскому собору (по другой версии, преподобный сам понес свою усекновенную голову в монастырь, где и упокоился). Эта дорога в монастыре называется «кровавый путь»²³. Уже в «Повести о Печерском монастыре» 80-х гг. XVI в. сообщается, что Корнилий «от тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю». Эта же надпись была и на древней раке преподобного Корнилия [26]. Отметим в скобках, что те же слова могли быть выбиты и на могиле Иоанна Крестителя, также «земным царем предпосланного к Царю Небесному». Преподобный Корнилий был монахом, Креститель почитается как отец монашества; оба были усечены царем, а легендарный эпизод с ношением головы и вовсе кажется отсылкой к известному иконографическому типу Предтечи с собственной усекновенной главой. Поэтому, если бы кто-то хотел намекнуть царю на неправедную казнь преподобного Корнилия, ему легко было бы это сделать через историю смерти Иоанна Крестителя. Известно, что Грозный раскаивался в смерти преподобного: в царском Синодике с имени Корнилия начинается перечень казненных им псковичей [31, с. 53, 79].

Последняя миниатюра «хронографической» части «Слова на Зачатие» на л. 185об. иллюстрирует текст: «И слышавше ученицы его, приидоша и взяша труп его во гробе и погребоша. Бе же тогда святыи Иоанн лет 31 и 2 месяца. Пострадав же августа 29 день». На переднем плане ученики Предтечи закрывают крышкой гроб с лежащим в нем обезглавленным телом святого. Выше показано «Усекновение главы Предтечи», вскользь упомянутое в тексте и ранее оставленное «за кадром» повествования: Иоанн склоняется над пустой чашей, окропляя ее иссопом (необычная деталь!). Слева от него изображен воин, заносащий меч. Тот же текст завершает повесть об Иоанне Предтече и в Лицевом летописном своде (Л. 863об.). Там ученики погребают тело Иоанна Предтечи целиком, с головой (впрочем, в иконописных памятниках второй половины XVI в. такая традиция также фиксируется)²⁴.

«Хронографический» фрагмент в «Слове на Зачатие» формально заканчивается на л. 185об., за ним следует ключевая молитва Иоанну Крестителю. И. В. Левочкин, М. С. Крутова и М. Л. Иванов показали в своем исследовании, что текст молитвы не имеет прямых аналогов в литургических текстах и молитвенных сборниках. В ней содержится прошение об авторе, составленное от первого лица: «И дрезнutoму мною, убогим, назнаменати деяния жития святого Твоего Предтеча Иоанна, не яко бо дар, но яко от раба долг, иже от любви тебе со страхом и желанием принесох, о Христе Иисусе, Господе нашем». По мнению упомянутых исследователей, авторство молитвы принадлежит непосредственно составителю текста «Слова», в котором они небезосновательно видят митрополита Афанасия. Характерно, что молитва при этом не поминает сугубо правящего русского самодержца, хотя в ее тексте и говорится вскользь о «благочестивых царех и христолюбивом воинстве», словно ее автор не считает нынешнего монарха «благочестивым». Эта молитва обрамляет уникальную миниатюру (Л. 18б), впервые в древнерусском искусстве изображающую святого Иоанна Предтечу с евхаристической чашей с «Агнцем» — Младенцем Христом (Илл. 11). Анализу сложной символической

программы этой композиции, ее происхождению и значению была посвящена отдельная статья [36], в контексте данной работы необходимо отметить только явственный литургический смысл данной сцены. Немаловажно, что Предтеча выступает в ней как священник²⁵, и в этом качестве предлагает верующим приобщиться Святым Таин проповеданного им Агнца Божия — Христа («непорочного Агнеца проповедниче веры»). Однако приступить к Таинству дозволено только тем, кто принес «плоды достойны покаяния». Между тем, как было сказано выше, Грозный был отлучен от причастия по крайней мере с конца 1572 г., после совершения своего пятого «брака», а вероятно, он не имел возможности приступать к этому Таинству и ранее, учитывая длительную епитимию, наложенную на него собором в связи с женитьбой на Анне Колтовской²⁶. Послание царю от его бывшего духовника в этом изображении, таким образом, было абсолютно прозрачным: «Покайся (престань от злых дел твоих, изменись), и тогда ты сможешь приступить к евхаристической чаше в руках твоего “ангела”».

Итак, анализ иконографической программы «хронографической» части «Слова на Зачатие Иоанна Предтечи» показывает, что она отражает тенденцию стойкой духовной оппозиции ее автора к царю. Учитывая это обстоятельство, следует еще раз вернуться к вопросу о ее датировке. Сужая по косвенным данным датировку «Слова» 1563–1564 гг.²⁷, И. В. Левочкин, М. С. Крутова и М. Л. Иванов вынужденно приходят к предположению, что «если Афанасий действительно был задействован в работах над рукописью, то он, по-видимому, принимал активное участие лишь в создании начальных разделов “Слова” об Иоанне (л. 133–157). <...> Занятие в марте 1564 года митрополитской кафедры и появившиеся новые заботы в дальнейшем уже не позволяли ему уделять много времени для непосредственного участия в книжных работах» [25, с. 215].

Однако, в свете описанных тенденций, датировка третьей, «хронографической» части «Слова на Зачатие» гораздо больше согласуется с другим, более поздним периодом жизни митрополита Афанасия, который в 1566–1575 гг., после добровольного оставления московской кафедры из-за несогласия с опричной политикой государя, доживал на покое именно в кремлевском Чудовом монастыре, в скриптории которого и создавалась изучаемая рукопись. В эти годы он стал свидетелем того, как Грозный царь сначала расправился с претендентом на митрополитский престол свт. Германом Казанским (1567), а затем — с действующим главой русской церкви митрополитом Филиппом Кольчезым (1568), как он казнил преподобного Корнилия Печерского и многих других людей. Не тогда ли созрел его план укорить царя устами Иоанна Предтечи, пытаясь вразумить его примером нечестивых правителей, нарушавших заповеди Божии и покушавшихся на его святых?

Напомним, что «Слово на Зачатие» представляет из себя объемную рукопись, занимающую 53 страницы, иллюстрированные 88 миниатюрами. Если допустить предположение, что создание рукописи происходило не одновременно, а на протяжении значительного временного периода, что допускает датировка ее бумаги по водяным знакам, то разделы «Слова» будут соответствовать историческим обстоятельствам эпохи и жизни ее автора. Первая, «святоотеческая» часть (Л.133–157), могла быть создана в 1562–1564 гг., когда Афанасий, тогда еще старец Чудова монастыря и духовник царя, имел возможность уделять рукописи много сил и времени. Эта часть, с ее сложной богословской программой, наследует живые тенденции искусства эпохи митрополита Макария, о чем свидетельствует ее увлеченность дидактикой, обилие ветхозаветных аллюзий; недаром исследователи находят множество параллелей этой части рукописи с классическими образцами «макарьевской» эпохи, включая знаменитую «Четырехчастную» икону Московского Кремля [25, с. 189–192]. После сложной и насыщенной первой части вторая («киригматическая») контрастирует своим минимализмом и простотой как в отношении характера текста, составленного почти полностью из евангельских отрывков, так и композиций миниатюр, по лаконичности приближающихся к иконным схемам (Л. 157об.–175об.). Создание этой части может соответствовать периоду, когда Афанасий взшел на митрополитский престол, и дела по управлению Русской Церковью не позволяли ему

Илл. 11. Иоанн Предтеча с евхаристическим «Агнцем». Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. Л. 186

продолжать заниматься рукописью в том же объеме (1564–1566). Более того, не исключено, что «Слово» собирались завершить в конце второй части текстом торжественного свидетельства Христа об Иоанне Крестителе как о «втором Илие» — характер сопровождающей ее миниатюры на л. 175об. свидетельствует о том, что она могла быть задумана как концевая²⁸.

Оставление в 1566 г. Афанасием митрополичьей кафедры и удаление в Чудов монастырь позволило митрополиту на какое-то время вновь обратиться к житию царского святого. Оппозиционные царской политике черты программы его последней части заставляют предположить, что под воздействием изменения политической ситуации и собственной переоценки личности царя Афанасий задумал его посредством взвешивать его. Тут-то и пригодилась знакомая ему по «Хронографу» история с тремя злочестивыми правителями, которых обличал Иоанн Предтеча. Ее присовокупили к почти готовой рукописи

и тщательно проиллюстрировали (отсюда и возникла хронологическая и логическая нестыковка второй и третьей частей, когда Предтеча оказывается в темнице дважды).

В то же время три части «Слова на Зачатие» как в зеркале повторяют кривую взаимоотношений митрополита Афанасия с Иваном Грозным. В первой части автор превозносит Предтечу, как царского «ангела», сопоставляя его личность с величайшими пророками Ветхого Завета и не находя среди них равного ему, а обстоятельства его зачатия и рождения сближает с таковыми событиями в жизни Богородицы и самого Христа. Возвеличивая Крестителя, первая часть рукописи словно превозносит в его образе другого Иоанна — самого царя²⁹, чем и объясняется ее приподнятый патетический настрой [25, с. 176]. Вторая часть, напротив, к святому вежливо нейтральна; стоящая прежде за рукописью яркая личность автора здесь нивелирована, словно это, прежде любимое, детище, действительно было отдано

на время в чужие руки. И наконец, третья часть соответствует тому историческому периоду, когда Афанасий уходит в стойкую оппозицию Ивану Грозному и хоть и не выступает с публичной критикой государя, но делает это опосредованно, через житийный текст и фрески Архангельского собора. Характерно, что в конфликте священства и царства Предтеча как бы переходит в «духовный» лагерь, и если в первой части «Слова» он исподволь ассоциировался с царем, то в последней он, напротив, от лица Церкви противопоставит ему³⁰.

Но если «Слово на Зачатие» действительно задумывалось митрополитом Афанасием как духовное увещание царю, то достигло ли оно своей цели? Увы, история об этом умалчивает. Б. М. Клосс первым предположил, что произведения Чудовского сборника могли создаваться в качестве церковного вклада, назвав его возможным местом назначения Успенский собор Александровской слободы (по совпадению посвящения его престолов с названиями произведений, вошедших в состав конволюта) [14, с. 250–251]. Позднее к этому мнению присоединилась И. А. Шалина [38]. Авторы исследовательской статьи о лицевого сборника Чудова монастыря выдвинули гипотезу, что «Слово на Зачатие» и «Деяния архангела Михаила» создавались с целью быть вложенными в Архангельский собор Московского Кремля, в диаконнике которого, по традиции посвященном Иоанну Предтече, была устроена спальня Ивана Грозного [25, с. 211–212]. С другой стороны, судя по надписям на страницах сборника, выполненным почерком второй половины XVI в., в это время он принадлежал кремлевскому Чудову монастырю и мог быть вложен в его соборный храм³¹. В версии заказа для храмового вклада, впрочем, не учитывается то обстоятельство, что такой бесценный дар стал бы красивым, но бесполезным жестом, так как в литургической практике церковного года не предусмотрено чтений из входящих в его состав произведений. Сам характер текста, в большинстве довольно сложного, свидетельствует о том, что он не предназначался для массовых чтений с амвона, а требовал вдумчивого прочтения, не говоря уже

о многочисленных прекрасных миниатюрах, которые в таком случае никто не смог бы увидеть.

Впрочем, гипотетическая цель создания — вклад в сбор — не противоречит для авторов исследовательской статьи убеждению, что «одним из читателей, и скорее всего первым в их ряду, был непосредственно царь Иван Грозный» [25, с. 209]. Действительно, место такой драгоценной книги, выполненной в единственном экземпляре, — в царской библиотеке, ее сложное содержание и прекрасное оформление по достоинству оценить мог государь, сам не чуждавшийся литературной деятельности; на ее миниатюрах могли познавать жития святых царевичи и царевны. Добавим, что сам замысел «Слова на Зачатие» — в начале лстящего царю, а в конце обличающего его, говорит об адресном составлении этого произведения. Царь действительно мог впоследствии передать фолиант в храм или монастырь «на помин души», но изготовление его именно для храма не соответствует ни характеру текстов, ни оформлению.

Таким образом, иконографическая программа «хронографической» части «Слова похвального на Зачатие Иоанна Предтечи» свидетельствует о том, что она едва ли могла появиться ранее эпохи опричнины, обнажившей раскол между священством и царством, а скорее всего, даже еще позднее, в последние годы жизни всероссийского митрополита Афанасия — в 1572–1575 гг. Датировка последней части рукописи 1570-ми гг. не противоречит ее стилистике; напротив, ближайший стилиевой аналог «Слова» — начальные миниатюры лицевого «Жития Николая Чудотворца» из собрания Т. Ф. Большакова, выполненные, вероятно, тем же мастером скриптория Чудова монастыря, убедительно датируются М. С. Кротовой около 1575 г. [15]³². Активность мастера в этот период свидетельствует, что в первой половине — середине 1570-х гг. он мог проиллюстрировать и третью часть «Слова на Зачатие Иоанна Предтечи». Участие же в создании «Слова» митрополита Афанасия в таком случае могло быть гораздо более полным, нежели считалось ранее.

Примечания:

- 1 Подробную историографию по этому памятнику см.: [25, с. 4–5].
- 2 В состав 111 главы «Русского хронографа» редакции 1512 г. вошли выдержки из славянской версии «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия под заголовками «От списания Иосифа Евреина» и «Разрешает сон Господень Предтеча Иоанн Ироду Филиппу». Та же глава «Хронографа» далее цитирует фрагмент другого произведения — «Житие и Усекновение главы св. Иоанна Предтечи... Иоанна сиречь Марка» (под названием: «Сне от жития Предтечева»), со слов: «Бе же во днех оных, царствуя Июдеею Антипа Ирод нечестивейшии. Услышано бысть о Иоанне по всеи Галилеи и Иудеи. И посла пятьдесятника на Иердан, повеле привести Иоанна». Этот же фрагмент слово в слово продолжает и повествование в лицевом сборнике Чудова монастыря. Он цитируется на л. 176об.–185 включительно до слов: «И слышавше ученицы его, приидоша и взяша труп его во гробе и погребоша. Бе же тогда святый Иоанн лет 31 и 2 месяца. Пострадав же августа 29 день» [33, с. 419–421].
- 3 Славянская версия «Истории иудейской войны» Флавия достаточно сильно разнится со своим греческим оригиналом. Эпизоды, повествующие об Иоанне Предтече и Архелае, обличении Симона книжника, а также сне Филиппа, являются интерполяцией из Хроники Георгия Амартола, расширенной и дополненной автором славянской версии за счет собственной интерпретации евангельских текстов [6; 20, с. 250–251 и 257].
- 4 Образ орла в нимбе явно восходит к изображению одного из символов евангелистов (Марка или Иоанна), так одной деталью художник превращает образ хищной птицы в символ небесной кары.
- 5 Тот же фрагмент, но без дополнений из «Жития», еще раз повторяется в ЛЛС в тексте «Истории иудейской войны» Флавия (Хронографический сборник. БАН. Л. 10110б.–10120б. и 1025–1028) [25, с. 194–195]. В нем история Иоанна Предтечи изложена более кратко и проиллюстрирована меньшим числом миниатюр. Из интересующих нас сцен представлены «Предтеча перед Агриппой и обличение от Симона книжника», «Сон Филиппа», «Толкование сна Филиппа», «Смерть Филиппа», «Свадьба Ирода Антипы с Иродиадой», «Обличение Предтечей Ирода Антипы», «Усекновение главы Предтечи».
- 6 Наиболее выразительна миниатюра о сне Филиппа в «Истории иудейской» войны в составе ЛЛС: там сцена с орлом, выклевывающим глаза Филиппу, показана крупным планом (Хронографический сборник. БАН. Л. 1026).
- 7 В 1572 г. было запрещено делать земельные вклады в крупные монастыри, а в 1575 г. Грозный провел изъятие церковных ценностей из Троице-Сергиевой лавры на нужды войны. Часть монастырей он еще до этого переписал в свое опричное владение, собирая с них дань в обход епархий. Он же возобновил выдачу «несудимых грамот» церковным людям, переводя их из церковной юрисдикции в царскую.
- 8 «Знаменательно присутствие в росписи Архангельского собора и композиции «Покаяние Давидово», изображающей царя Давида кающимся в своих прегрешениях перед пророком Нафаном (т. е. властью духовной). В контексте опричной политики, проводимой царем с 1564 г., появление в росписи композиции подобного содержания выглядит несколько неожиданно. Однако оно вполне объяснимо, если признать, что разработка программы росписи принадлежит Афанасию, как известно, не раз ходатайствовавшему перед царем за опальных бояр. Посредством данного сюжета митрополит, вероятно, пытался провести в росписи назидательную идею о нравственном приоритете духовной власти, несмотря на основную официальную мысль программы, провозглашавшую главенство власти царя» [29, с. 47].

- ⁹ Слово «дети», «дети» в древнерусском языке этой эпохи обозначало потомков женского пола.
- ¹⁰ Миниатюра сопровождает текст: «По сих же Антипа Ирод поят жену Филиппа брата своего, и сего ради вси законницы гнушахуся его, не смеяху его обличити. Токмо сеи муж, егоже нарицаху дикаго, иже прилепив власы скотинныя к тему своему, на нем же месте не покрыто бе от влас его, а лицом бе, яко дикий. Бысть же нрав его чуден и житие нечеловеческо, якоже дух бесплотен, тако и сеипребываше. Уста его хлеба не познаша, ни на Пасху не вкуси опреснока, глаголя: яко на воспоминание Богу, избавльшему люди от работы, вдана суть сия ясти. Вина же и сикера ни приблизит к себе, даяше, и всяка животна гнушашеся. И на потребу ему быша древянныя щепки, сиречь вершия дубное. Тои прииде к нему с яростию и рече: понеже еси братию жену поял беззаконнице безмилостивною смертию, тако и ты поят будещи серпом небесным. Не премолкнет бо Божиии промысл, но уморит тя печальми злыми во инех странах. Понеже не семя воставляещи брату своему, но похоть плотскую исполняещи и прелюбы сотворяещи, четверем детем от него родившимся» (Л. 180–180об.).
- ¹¹ Находившиеся в то время в Москве польские послы официально заявили, что польский Сенат рассматривает вопрос об избрании царя или его сына на польский трон. Грозный не ошибался в своем предвидении политических последствий такого брака: польский престол впоследствии действительно занял сын Катарини Ягеллонки, но от Юхана — Сигизмунд III (1592–1599).
- ¹² Согласно 50-му правилу Василия Великого, третий брак является нарушением канонов и может быть разрешен только как снисхождение к немощи: «на троебрачие нет закона; посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем как на нечистоты в Церкви, но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшие нежели распутное любодеяние» [12].
- ¹³ ААЭ. Т. 1. С. 329–332 [соборное определение о 4-м браке царя Иоанна IV]; ПСРЛ. Т. 31. С. 160.
- ¹⁴ Источники называют Марию Долгорукову (брак заключен в 1573 году), Анну Васильчикову (с 1575 по 1577 год), Василису Мелентьеву (до 1579) и Марию Нагую, мать царевича Дмитрия (1580–1584).
- ¹⁵ По сведениям Антонио Поссевино, «этот князь, после того как первая жена Анастасия (а сейчас ее уже нет в живых), родила ему двух сыновей, которые живы до сих пор, брал в жены (хотя это можно назвать и другим словом) девиц еще шесть раз. Кое-кого из них по разным причинам он заточил в монастыри, и, хотя, говорят, некоторые из них живы до сих пор, при нем находится та, которую зовут Марией, дочь Федора Нагого (с ней в прошлом году он соединился неким подобием брака) [1].
- ¹⁶ Однако «Свадьба Антипы и Иродиады» изображена в разделе «Истории иудейской войны» (Хронографический сборник. БАН. Л. 1026об.).
- ¹⁷ Миниатюра иллюстрирует текст: «Наутрие же, егда Ирод рождеству своему вечерю творяше, сиречь дню тому, воньже родися, и призва вся вельможя своя 22».
- ¹⁸ Для серии миниатюр «Пир Ирода» на л. 182об., 183, 184об., 185 использованы фрагменты гравюры «Пир у Ирода» из Хроники Шеделя (Л. 94об.) [24, с. 69; 23, с. 84 прим. 3].
- ¹⁹ Двуглавый орел Палеологов стал гербом Русского государства со времен Ивана III, женатого на Софии Палеолог, см.: О. Г. Ульянов. От Нового Рима к Третьему Риму: к вопросу о translatio герба с двуглавым орлом [34].
- ²⁰ «И вшедше абие со тщианем к царю, проси, глаголющи: хошу, да ми даси от него на блюде главу Иоанна Крестителя. И прискорбен бысть царь. Клятвы же ради за возлежащих с ним не восхоте отрещися. И абие послав царь спекулятора, повеле принести главу его на блюде. И царь взем и дасть ю девицы. И девица дасть ю матере своеи».
- ²¹ Эпизод обличения Ирода Крестителем и по смерти нашел отражение в богослужебных текстах праздника Усекновения главы святого (29 августа): «не преста таинник Христова пришествия, богомерзкое смещение их и по кончине обличати, но обличая вопияше: не подобает ти, глаголя, прелюбодействовати брата твоего Филиппа жену» (на литии стихира 3, глас 1, Германа патриарха), «Рождение неподобно, и пир безстуднейший Ирод совершил есть: любодейством бо женским услаждаемь, и нечестивым женоненствованием подстрекаемь, отсече главу Предтечеву: но не отсеке языка пророческа, обличающаго безумие его» (там же, глас 4), «днесь от беззаконна царя во главу усекновен бысть, и безчестно плясавшую отроковицу, ясно и прежде усекновения и по усекновении обличив, посрами греха полк» (на стиховне стихира самогласна, глас 2) [21].
- ²² Имеется в виду фрагмент Евангелия из Синопа VI в. с изображением «Пира Ирода» и «Усекновения главы Иоанна Предтечи» (Paris. Suppl. gr. 1286. Fol. 10v [11, ил. 96 (б/н)]).
- ²³ Предание вошло в житие св. Корнилия [27, с. 31–32; 22, с. 641], известен также другой вариант этого предания, в котором Корнилий идет за царем, держа в руках отрубленную голову, и умирает только после раскаяния Грозного [32, с. 18].
- ²⁴ См., например, житийную икону Иоанна Предтечи — Ангела пустыни середины XVI в. из собрания ЯМЗ из ярославского храма Николы Надеина [10, кат. 26, с. 70–72], икону с аналогичным сюжетом Нижегородского музея из Борисоглебской церкви Балахны [8, кат. 69] и ряд других памятников.
- ²⁵ Как известно, Иоанн Предтеча был сыном ветхозаветного священника Захарии, сына Варахиина, и по рождению принадлежал потомственному священству Храма Соломона. Подробнее об этом: [36, с. 37].
- ²⁶ По воспоминаниям Антонио Поссевино, «у государя есть собственный священник — духовник, который следует за ним, куда бы тот ни отправился из Москвы. Хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто был женат более трех раз» [1].
- ²⁷ Аргументами для сужения датировки служит для авторов, во-первых, наличие текстологических параллелей между «Словом на Зачатие» и «Степенной книгой царского родословия», созданной к концу 1562 г., а во-вторых, изображение на миниатюре «Рождество Христово» сцены избияния младенцев, в которой, по их мнению, масштабно акцентирован образ сидящего на престоле царя Ирода. Авторы считают причиной его появления в композиции реакцию Ивана Грозного на побег Курбского в апреле 1564 г. в Литву. В письме, посланном царем Курбскому, Грозный сравнил перешедшего на сторону врага князя с царем Иродом, избившим вифлеемских младенцев. «Миниатюрист вольно или невольно использовал в работе над рисунком его мотивы, изобразив обличаемого князя в виде Ирода, которому демонстрируют убиенных младенцев <...> Но царское послание, датированное 5 июля, было злободневным весьма короткий срок: с отъездом 3 декабря Ивана Грозного в Александровскую слободу и начавшейся вскоре опричниной оно значительно утратило свою актуальность. Исходя из вышесказанного, работу над миниатюрой следовало бы отбросить к периоду с середины лета до конца 1564 года» [25, с. 209]. Однако совпадения с текстом «Степенной книги» могут быть обусловлены не близостью времени создания, а тем, что у нее и «Слова на Зачатие» был один и тот же автор — митрополит Афанасий. Что касается предполагаемого изображения князя Курбского в облике царя Ирода, то для такой ассоциации в миниатюре нет никаких оснований; изображение Ирода, которому демонстрируют избивенных по его приказу младенцев, является обычным в развитой иконографии Рождества Христова, известной с конца XI века по византийской иконе, хранящейся в монастыре св. Екатерины на Синае [40, cat. 14, p. 154–155]. Такой извод был распространен в древнерусском искусстве грозненской эпохи вне связи с Курбским — см., например, икону «Рождество Христово» второй половины XVI в. из Архангельского музея изобразительных искусств, Инв. 819-држ [9, кат. № 77, с. 370–374].

- ²⁸ На миниатюре представлено два регистра. Верхний показывает Царство Небесное — на белом «райском» фоне с зелеными деревцами стоит этимасия с большим Голгофским крестом и Евангелием, по сторонам которой на облаках ей предстоят ветхозаветные святые, первый слева — пророк Илия, справа — Давид с кифарой. В нижнем регистре под этимасией стоит Иоанн Креститель со свитком в руке, одесную от него — группа святых в нимбах, ошуюю — группа не принявших его проповедь иудеев без нимбов. Миниатюра иллюстрирует текст: «От дний же Иоанна Крестителя Царствие Небесное нудится и нуждници восхищаютъ е. Вси бо пророцы закон до Иоанна прорекоса. И аще хочете прияти, той естъ Илия хотяй приити. Имеай уши слышати да слышитъ».
- ²⁹ «Прославлением своего патрона (Иоанна Предтечи — Ю. У.) Иван Грозный в какой-то степени (возможно, большей частью) позиционировал самого себя, царский статус, с которым соотносил себя целиком и полностью. Свое положение и предназначение он расценивал равнозначным святости» [18, с. 194].
- ³⁰ Ср. с мнением авторов исследовательской статьи: «От остальных изображений лицо Иоанна на этой миниатюре отличается тщательной прорисовкой деталей; на наш взгляд художник постарался придать Иоанну черты царя» [25, с. 209].
- ³¹ По нижним полям подлинных листов имеются фрагменты рассредоточенной надписи скорописью, выполненной светло-коричневыми чернилами, вероятно, во второй половине XVI в.: «Книга Чудова монастыря казенная». О принадлежности сборника Чудову монастырю свидетельствует и другая надпись. На л. 186 об. скорописью XVI в. написано: «Книга Чудова монастыря» [25, с. 5].
- ³² Авторы исследовательской статьи о сборнике Чудова монастыря считают, что «Слово» и «Житие Николы» разделяет порядка 10 лет [25, с. 201–202], хотя при этом, по их мнению, «художник (“Жития Николы” — Ю. У.) опирался на свои прежние работы, представленные в Чудовском сборнике. Особенно показательна в этом отношении миниатюра на л. 2 об, изображающая рождество и наречение имени святого. В ее основу художник положил свою собственную иллюстрацию, посвященную рождеству и обрезанию Иоанна Предтечи (Л. 155об. Чудовского сборника) <...> Эти и другие нюансы указывают на то, что, создавая иллюстрацию, художник имел перед глазами непосредственно миниатюру “Слова”» [25, с. 202]. Однако возникает вопрос, почему рукопись «Слова на Зачатие», якобы законченная к 1564 г., более 10 лет хранилась в скриптории, где с ней мог работать художник? Логичнее предположить, что художник приступил к «Житию Николы» в то время, когда его работа над «Словом на Зачатие» заканчивалась или была недавно закончена, что вновь отодвигает дату создания последней части «Слова» к 1572–1575 гг.

Список литературы:

1. *Антонио Поссевино*. Московия. Книга I: О делах московских, относящихся к религии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Possevino/fragametext11.htm> (дата обращения: 30.06.2020).
2. *Бродовая Ю. В.* «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV – первой половины XVII в. // Искусство христианского мира. Сб. статей. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. С. 162–177.
3. *Бродовая Ю. В.* Цикл жития св. Иоанна Крестителя в древнерусском искусстве XVI – первой половины XVII вв. // Аспирантский сборник. Вып. 2. М.: ГИИ, 2004. С. 3–30.
4. *Даен М. Е.* Новоткрытый памятник станковой живописи эпохи Ивана Грозного (икона Иоанна Предтечи из Махрищского монастыря) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI веков. М.: Наука, 1970. С. 207–225.
5. *Дворкин А. Л.* Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2009. 341 с.
6. *Деревенский Б. Г.* Иисус Христос в документах истории. Глава 5. Славянская версия «Иудейской войны». URL: <http://litra.pro/iisus-hristos-v-dokumentah-istorii/derevenskij-boris-georgievich/read/50> (дата обращения 30.06.2020).
7. *Ерусалимский К. Ю., Липаков Е. В.* Герман // Православная Энциклопедия. Т. 11. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 209–213.
8. Икона Древней Руси 11–16 вв. / Авт. С. С. *Аверинцев, Л. Успенский*. СПб.: Художник России, 1993. 255 с.
9. Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. В 2 т. / Авт.-сост. *О. Н. Вешнякова* (при участии *Т. М. Кольцовой, Л. В. Нерсисяна и А. С. Преображенского*). Т. 1. М.: Северный паломник, 2007. 504 с.
10. Иконы Ярославля 13–16 вв. / Авт. *В. Горшкова, О. Кузнецова, Е. Макарова, Л. Полушкина, А. Федорчук, И. Харламова*. М.: Северный паломник, 2002. 223 с.
11. Иоанн Предтеча // Православная энциклопедия. Т. 24. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 528–577.
12. Каноны Православной Церкви. Правила святого Василия Великого. URL: http://soluschristus.ru/biblioteka/mezhcerkovnye_otnosheniya/kanony_pravoslavnoj_cerkvi/pravila_svyatogo_vasiliya_velikogo (дата обращения 30.09.2020).
13. Каталог собрания [ЦМиАР]. Вып. II: Иконы Москвы XIV–XVI вв. М.: Индрик, 2006. 512 с.
14. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
15. *Крутова М. С.* Святитель Николай в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997. 233 с.
16. *Макарий (Веретенников), архим.* Всероссийский митрополит Афанасий // Богословские труды. Сб. 25. М.: Издание Московской Патриархии, 1984. С. 247–257.
17. *Макарий (Веретенников), архим.* Антоний, митрополит Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 614–615.
18. *Маханько М. А.* Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» конца XIV в. из Коломны (ГТГ) и образ царского ангела в грозненском искусстве // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна: Лига, 2009. С. 190–229.
19. *Маштафаров А. В.* Дария (Колтовская Анна Алексеевна) // Православная энциклопедия. Т. 14. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 199–201.
20. *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 578 с.
21. МИНЕИ БОГОСЛУЖЕБНЫЯ (СЕНТЯБРЬ-АВГУСТЪ). Мѣсяца Августа въ 29-й дѣнь. Усѣкновеніе честныя главы честнаго славнога Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. URL: http://osanna.russportal.ru/index.php?id=liturg_book.menaion_sept_aug.august_m2901 (дата обращения 16.07.2020).
22. Минея (МП). Февраль. Б/м, 1981. 771 с.
23. *Неволин Ю. А.* Влияние идеи «Москва — Третий Рим» на традиции древнерусского изобразительного искусства // Искусство христианского мира. Вып. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 1996. С. 71–84.

24. Неволин Ю. А. Новое о кремлевских миниатюристах XVI века и о составе библиотеки Ивана Грозного // Советские архивы. 1982. № 1. С. 68–70.
25. О «Слове Похвальном на Зачатие Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря / И. В. Левочкин, М. С. Крутова, М. Л. Иванов // Научное факсимильное издание «Лицевой сборник Чудова монастыря». М.: Актеон, 2008. С. 3–9; 150–237.
26. Охотникова В. И. Корнилий // Православная энциклопедия. Т. 38. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. С. 110–119.
27. Преподобный Корнилий Печерский. М.: Типография Вильде, Малая Кисловка, собственный дом, 1909. 32 с.
28. Савватеева И. В. Образ Саломеи в изобразительном искусстве: дис...канд. иск.17.00.04. Москва, 1996. 220 с.
29. Самойлова Т. Е. Митрополит Афанасий как один из авторов программы росписи Архангельского собора Московского Кремля // История и культура Ростовской земли, 1996. Ростов: Музей, 1997. С. 45–48.
30. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Семейная жизнь Грозного. URL: https://royallib.com/read/skrinnikov_ruslan/ivan_grozniy.html#1538150 (дата обращения: 30.06.2020).
31. Скрынников Р. Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. Л.: [б. и.], 1965. С. 22–86.
32. Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. // Славянский фольклор: Материалы и исследования по истории народной поэзии славян. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 8–91.
33. Творогов О. В. Сказания об Иоанне Предтече // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 418–421.
34. Ульянов О. Г. От Нового Рима к Третьему Риму: к вопросу о translatio герба с двуглавым орлом. URL: <http://www.dirittoestoria.it/15/memorie/Ulyanov-Nuova-Roma-Terza-Roma-translatio-stemma-aquila-bicipite-ru.htm> (дата обращения: 30.06.2020).
35. Устинова Ю. В. «Зачатьевский цикл» в составе жития св. Иоанна Крестителя в древнерусском искусстве XVI – первой половины XVII вв. // Искусство христианского мира. Вып. 9. М.: Изд-во ПСТБИ, 2005. С. 197–212.
36. Устинова Ю. В. «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира»: к вопросу о генезисе одного иконографического извода святого Иоанна Предтечи в древнерусском искусстве // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. XVII. Сборник научных статей. М.: Музей им. Андрея Рублева, 2020. С. 26–40.
37. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов. М.: Международные отношения, 1991. С. 25–138.
38. Шалина И. А. Икона «Иоанн Предтеча в пустыне» из собрания А. Д. Липницкого и нижегородская иконопись XVII века // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции 29–30 марта 2001 года. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации Губернатора Нижегородской обл., 2001. С. 48–58.
39. Hausamann T. Die tanzende Salome in der Kunst von der christlichen Frühzeit bis um 1500: Ikonographische Studien. Zürich: Juris Verl., 1980. 515 S.
40. Holy image, Hallowed Ground: Icons from Sinai. Los Angeles: Getty Publications, 2006. 304 p.

References:

- Antonio Possevino. *Moskoviia. Kniga I: O delakh moskovskikh, otnosiashchikhsia k religii (Muscovy. Book I: on Moscow's Religious Affairs)*. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Possevino/frameset11.htm> (accessed: 30.06.2020) (in Russian)
- Averintsev S. S.; Uspenskii L. *Ikona Drevnei Rusi 11–16 vv. (The Icon in Old Russia, 11th–16th Centuries)*. Saint Petersburg, Khudozhnik Rossi Publ., 1993. 255 p. (in Russian)
- Brodovaia Iu. V. “The Beheading of St. John the Baptist” in the Old Russian Art in the 15th – the First Half of the 17th Century. *Iskusstvo Khristianskogo Mira (Art of the Christian World)*. Issue 8. Moscow, St. Tikhon's University Publ., 2004, pp. 162–177. (in Russian)
- Brodovaia Iu. V. Life of St. John the Baptist in the Old Russian Art in the 16th – the First Half of the 17th Centuries. *Aspirantskii sbornik (Post-Graduate Collection)*. Issue 2. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2004, pp. 3–30. (in Russian)
- Daen M. E. The Newly Discovered Monument of Easel Painting of the Epoch of Ivan the Terrible (Icon of John the Baptist from the Mahrishch Monastery). *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura Moskvyy i prilozhashchikh k nei kniazhestvu 14–16 vekov (Old Russian Art. Art Culture of Moscow and its Neighboring Principalities in the 14th – the 16th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 207–225. (in Russian)
- Derevenskii B. G. *Iisus Khristos v dokumentakh istorii. Glava 5. Slavianskaia versiia “Iudeiskoi voiny” (Jesus Christ in the Documents of History. Chapter 5. Slavic Version of the “Jewish war”)*. Available at: <http://litra.pro/iisus-hristos-v-dokumentah-istorii/derevenskii-boris-georgievich/read/50> (accessed: 30.06.2020) (in Russian)
- Dvorkin A. L. *Ivan Groznyi kak religioznyj tip. Stat'i i materialy (Ivan the Terrible as a Religious Type. Articles and Materials)*. Nizhnii Novgorod, Khristianskaia biblioteka Publ., 2009. 341 p. (in Russian)
- Fletcher J. O. Of the Russe Common Wealth. *Proezhaia po Moskovii: Rossiia 16–17 vv. glazami diplomatov (Travelling through Moscow: Russia in the 16th – 17th Centuries in the Eyes of Diplomats)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 1991, pp. 25–138. (in Russian)
- Gorshkova V.; Kuznetsova O.; Makarova E. et al. *Ikony Iaroslavlja 13–16 vv. (The Yaroslavl Icons in the 13th – 16th centuries)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002. 223 p. (in Russian)
- Hausamann T. *Die tanzende Salome in der Kunst von der christlichen Frühzeit bis um 1500: Ikonographische Studien*. Zürich, Juris Verl. Publ., 1980. 515 p. (in German)
- Holy Image, Hallowed Ground: Icons from Sinai*. Los Angeles, Getty Publ., 2006. 304 p.
- Katalog sobraniia [TsMiAR]. Vyp. 2: Ikony Moskvyy 14–16 vv. (Catalog of the Collection [The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture]. Issue 2: Icons of Moscow in the 14th–16th Centuries)*. Moscow, Indrik Publ., 2006, 512 p. (in Russian)
- Kloss B. M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi 16–17 vekov (Nikonovsky Svod and Russian Chronicles in the 16th – 17th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (in Russian)
- Krutova M. S. *Sviatitel' Nikolai v drevnerusskoi pis'mennosti (Saint Nicholas in the Old Russian Script)*. Moscow, Martis Publ., 1997. 233 p. (in Russian)
- Levочкин И. В.; Крутова М. С.; Иванов М. Л. About the “Word of Praise for the Conception of John the Baptist” in the Illustrated Manuscript from Chudov Monastery. *Litsevoi sbornik Chudova monastyria (Illustrated Manuscript from Chudov Monastery)*. Moscow, Akteon Publ., 2008, pp. 150–237. (in Russian)
- Makarii (Veretennikov). All-Russian Metropolitan Archbishop Athanasius. *Bogoslovskie Trudy (Theological Works)*. Vol. 25. Moscow, Edition of the Moscow Patriarchate Publ., 1984, pp. 247–257. (in Russian)

Makhan'ko M. A. Icon "John the Forerunner the Angel of the Desert" of the End of the 14th Century from Kolomna (State Tretyakov Gallery) and the Image of the Royal Angel in Art of Ivan the Terrible Era. *Kolomna i Kolomenskaia zemlia: istoriia i kul'tura (Kolomna and Kolomna Land: History and Culture)*. Kolomna, Liga Publ., 2009, pp. 190–229. (in Russian)

Meshcherskii N. A. *Istoriia iudeiskoi voiny Iosifa Flaviia v drevnerusskom perevode (A History of Judean War by Joseph Flavius in Old Russian Translation)*. Moscow; Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1958. 578 p. (in Russian)

Nevolin Iu. A. Influence of the idea "Moscow-the Third Rome" on the Traditions of Old Russian Fine Art. *Iskusstvo Khristianskogo Mira (Art of The Christian World)*. Issue 1. Moscow, St. Tikhon's University Publ., 1996, pp. 71–84. (in Russian)

Nevolin Iu. A. Novoe o kremlevskikh miniaturistakh 16 veka i o sostave biblioteki Ivana Groznogo (Something New about the 16th-Century Kremlin Miniaturists and the Composition of the Ivan the Terrible Library). *Sovetskie arkhivy (Soviet Archives)*, 1982, no. 1, pp. 68–70. (in Russian)

Samoilova T. E. Metropolitan Archbishop Athanasius as One of the Authors of the Program for Painting the Cathedral of the Archangel of the Moscow Kremlin. *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli, 1996 (History and Culture of Rostov Land, 1996)*. Rostov, Muzei Publ., 1997, pp. 45–48. (in Russian)

Savvateeva I. V. *Obraz Salomei v izobrazitel'nom iskusstve (The Image of Salome in the Visual Arts)*: PhD Thesis. Moscow, 1996. 220 p. (in Russian)

Shalina I. A. The Icon "John the Baptist in the Desert" from the Collection of A. D. Lipnitsky and Nizhny Novgorod Icon Painting of the 17th Century. *Pamiatniki khristianskoi kul'tury Nizhegorodskogo kraia (Monuments of Christian culture of the Nizhny Novgorod region)*. Nizhny Novgorod, Committee for Archives of the Administration of the Governor of the Nizhny Novgorod Region Publ., 2001. pp. 48–58 (in Russian)

Skrynnikov R. G. *Ivan Groznyi. Semeinaia zhizn' Groznogo (Ivan the Terrible. Family Life)*. Available at: https://royallib.com/read/skrinnikov_ruslan/ivan_grozniy.html#1538150 (accessed: 30.06.2020) (in Russian)

Skrynnikov R. G. Necrology of the Disgraced Tsar Ivan the Terrible as a Historical Source. *Voprosy istorii SSSR 16–18 vv. (Issues of the History of the USSR in the 16th – 18th Centuries)*, Leningrad, 1965, pp. 22–86. (in Russian)

Sokolova V. K. Russian Historical Songs of the 16th Century. *Slavianskii fol'klor: Materialy i issledovaniia po istorii narodnoi poezii slavian (Slavic Folklore: Materials and Research on the History of Folk Poetry of the Slavs)*. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1951, pp. 8–91. (in Russian)

Tvorogov O. V. Tales of John the Baptist. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. 14–16 v. (Dictionary of Scribes and Bookishness in Old Russia. The 16th – 18th Century)*. Part 2. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 418–421. (in Russian)

Ul'ianov O. G. *Ot Novogo Rima k Tre'temu Rimu: k voprosu o translatio gerba s dvuglavym orlom (From the New Rome to the Third Rome: on the Translatio of the Coat of Arms with a Double-headed Eagle)*. Available at: <http://www.dirittoestoria.it/15/memorie/Ulyanov-Nuova-Roma-Terza-Roma-translatio-stemma-aquila-bicipite-ru.htm> (accessed: 30.06.2020) (in Russian)

Ustinova Iu. V. "The Conception Cycle" as Part of the Life of St. John the Baptist in the Old Russian Art in the 16th – First half of the 17th Centuries). *Iskusstvo khristianskogo mira (Art of the Christian World)*. Issue 9. Moscow, St. Tikhon's University Publ., 2005, pp. 197–212. (in Russian)

Ustinova Iu. V. "Here is the Lamb of God, Take away the Sins of the World": On the Question of the Genesis of an Iconographic Excerpt of Saint John the Baptist in Old Russian Art. *Trudy Tsentral'nogo muzeia drevnerusskoi kul'tury i iskusstva imeni Andreia Rubleva (Proceedings of the Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture)*. Vol. 17. Moscow, The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture Publ., 2020, pp. 26–40. (in Russian)

Veshniakova O. N.; Kol'tsova T. M.; Nersesian L. V.; Preobrazhenskii A. S. *Ikony Russkogo Severa: Shedevry drevnerusskoi zhivopisi Arkhangel'skogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv (Icons of the Russian North: Masterpieces of Old Russian painting from the Arkhangelsk Museum of Fine Arts)*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007. 504 p. (in Russian)